

Глава VIII специально посвящена русскому языку и литературе в нашем образовании, к сожалению, пока еще не направленном на лингвоэкологическое воспитание.

В главе IX с точки зрения лингвоэкологии анализируются существующие мифы, символы и особенно детально и во многом более глубоко и точно, чем в работах предшественников, словесные ярлыки как явно антиэкологическое явление.

В главе X рассматривается творческий потенциал русского языка и дается уточнение значений и употребления слов *творческий* и *креативный* с фактическим разоблачением модного жонглирования словами *креатив*, *креативный*.

Каждая глава основывается на приведенных в ней взглядах ученых и высказываниях выдающихся деятелей науки и культуры – с одной стороны, и огромном количестве иллюстраций примерами из газет и художественной (не всегда истинно художественной) литературы, что и создает ее энциклопедическую и научную значимость.

Ценность такого издания несомненна, но естественны и его недостатки. В монографии все положения богато иллюстрированы приведенными фактами из речи газет. Но это именно иллюстрации специально подобранными яркими фактами пока без выявления большей или меньшей экологичности газет разных типов, текстов разных авторов и разной (оппозиционной или провластной) направленности, а наш мониторинг выявляет явную зависимость газетной речи от типа газет и языковой компетентности автора. Очевидно, это задачи на будущее.

Думается, что не случайно в книге приводится так много негативных фактов из газеты «Завтра» и почти отсутствуют таковые из «Российской газеты». При этом «Завтра» не так читаема как многотиражные «Аргументы и факты», «Комсомольская правда» и «Московский комсомолец» (федеральный выпуск), и это тоже следовало бы учесть (их влияние на судьбу языка больше, чем газеты «Завтра»).

У нас вызвала сомнения целесообразность некоторых из предложенных А. П. Сковородниковым терминов: слишком медицински или химически ограничены в восприятии (*токсины*, *наследственная болезнь*, *лингвонекроз*, *катализ* для официальных объединений и т. д.) и непонятны (*имиссия*) или трудно произносимы (*делингвофикационное*, *лингвотератогенный*), но сама идея создания терминов для лингвоэкологии очень важна и перспективна. Их систематизация по группам, очевидно, – задачи будущего.

Монография А. П. Сковородникова закладывает основы лингвоэкологии как синтеза не только разных ветвей лингвистики, но и как ветви уже состоявшейся *экологии* – защиты и сохранения природной среды. При использовании языка тоже создается пусть не природная, но неизбежно благоприятная или вредная для человечества среда обитания, поэтому А. П. Сковородников совершенно прав, доказывая очень большую цен-

ность экологически чистой речевой среды. Начало лингвоэкологии положено, задача филологов, философов, психологов, социологов (думаем, и медико-биологов) – совместными усилиями это начало продолжить, но прежде всего она, конечно, нужна как пусть междисциплинарная, но отрасль лингвистики.

О. Б. Сиротинина
М. А. Кормилицына

Генезис зарубежной массовой литературы и ее судьба в России: сб. науч. тр. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 320 с.

Сегодняшний интерес к массовой литературе вызван происходящим на наших глазах изменением культурных конвенций, способов распространения и потребления литературы, структуры читательской аудитории. Так называемая массовая, или «формульная», литература ставит литературоведов перед необходимостью выйти за пределы устоявшихся критериев художественности и привычного аналитического инструментария. Как явление пограничное, массовая литература становится «областью ускоренных семиотических процессов, которые всегда более активно протекают на периферии культурной ойкумены»¹. Принципиальный полилингвизм пограничных феноменов заставляет исследователей обратиться к вопросам социологии, психологии, культурологии. Закономерно, что в теоретическом осмыслении массовой литературы, начавшемся на Западе в 1930–1940-е гг., изначально преобладал междисциплинарный подход, подхваченный отечественными учеными только в последние двадцать пять лет. Выпущенный издательством ИМЛИ РАН научный сборник «Генезис зарубежной массовой литературы и ее судьба в России» представляется в этой связи актуальным и важным.

Этот труд является, по существу, коллективной монографией, что выгодно отличает его от многих изданий подобного типа, больше напоминающих сборники статей. Компаративистский подход и обширный материал позволил авторам впервые проанализировать рецепцию популярных произведений западноевропейской литературы в России XVII–XX вв. Изучение отдельно взятого литературного явления сквозь призму инокультурной рецепции сделало сборник одинаково интересным для историков и русской, и зарубежной литературы.

В фокусе внимания исследователей оказались разнообразнейшие сюжеты и образы: от средневековой легенды о фее Мелюзине до «экзотических» историй «итальянского Верна» Эмилио Сальгари. Источниками в большинстве случаев послужили популярнейшие в свое время, но ныне почти забытые имена (Картуш, Фоблас) и авторы (Поль де Кок, Эдмондо де Амичис), чье творчество стало сегодня фактом национальной литературной истории и известно лишь узкому кругу специали-

стов. Исключение составляют лишь пережившие свое время романы Александра Дюма, «отнюдь не книги одного дня» (с. 266), как верно отмечает Н. Т. Пахарьян в посвященной ему статье.

Проблему рецепции этого литературного пласта на русской почве задает статья А. С. Курилова, детально исследующая изменение взглядов мэтра русской литературной критики XIX в. В. Г. Белинского на западноевропейскую беллетристику. В дальнейшем специфика отечественного восприятия и освоения европейской традиции прослеживается на примере творчества отдельных авторов (Поля де Кока в статье И. Еленгеевой), прототипов героев (Дубровского в исследовании М. Р. Ненароковой), судьбы литературного поджанра (романов французского либертинажа в статье Е. Е. Дмитриевой) и, главным образом, трансформации произведения-первоисточника. Следует отдельно отметить новизну статей, основанных на редких, в том числе газетных, эпистолярных и архивных материалах (Е. В. Акельева, А. В. Голубкова, Е. П. Гречаной, Т. А. Зотовой, И. К. Стафф, Н. Т. Пахарьян, С. Робарде-Эппштейн). Несомненным достоинством сборника является то, что он позволяет составить представление об особенностях переводов популярной литературы на русский язык и осуществленных при этом формально-содержательных изменениях, затронувших разные уровни оригинального произведения: сюжет (А. В. Голубков, Л. А. Курьшева, Е. Ю. Сапрыкина), образы (Т. И. Акимова, Е. П. Гречаная, М. Р. Ненарокова, К. А. Чекалов), лексико-стилистические особенности (И. К. Стафф, Е. Е. Дмитриева), жанровые доминанты (Г. Н. Ермоленко, Т. Е. Автухович). Особый интерес вызывают статьи, демонстрирующие примеры двойной адаптации текста с участием языка-посредника, как, например, при переводе на русский язык итальянских героических поэм с французского прозаического переложения. Г. Н. Ермоленко, завершая свое исследование на эту тему, высказывает важную мысль о том, что «перевод предлагал русской литературе новые жанровые формы и стилевые тенденции, созвучные происходящим в ней процессам перестройки системы жанров и эволюции стиля» (с. 169).

Авторы включенных в сборник статей показывают, каким образом некоторые литературные сюжеты на определенный период получают распространение за пределами породившей их культуры и каким именно трансформациям подвергаются в культурах-реципиентах. К числу важных результатов коллективного исследования можно отнести описание стратегий адаптации произведения-источника на русской почве. Среди них наиболее устойчивыми представляются опора на культурные стереотипы воспринимающей стороны и использование беллетристических сюжетов с дидактической и/или развлекательной целями (А. С. Курилов, Т. И. Акимова, Е. П. Гречаная, И. К. Стафф, М. Р. Ненарокова и др.).

Представленные статьи свидетельствуют о том, что заимствование, каким бы ни был талант автора, идет в основном на сюжетном уровне. Показательна в этом плане статья Е. Ю. Сапрыкиной о многоуровневом характере трансформации сюжета рассказа Э. Де Амичиса «Учительница рабочих». Сначала адаптация к русскому контексту происходит на этапе перевода («учителочка» – «учительница», «святое дело» учительства и др.). Затем в сценарии фильма по мотивам рассказа сглаживается социально-педагогическая составляющая конфликта и усиливается мелодраматическая, ориентированная на отечественного массового зрителя. Действие переносится на русскую почву с соответствующим стереотипным антуражем (косоворотки, картузы, семечки, пляски, балалайки). Наконец, под влиянием творческой индивидуальности автора сценария и исполнителя главной роли В. В. Маяковского радикально меняется образ главного героя, приобретая романтические и трагические черты. Если добавить к этому дальнейшие, как упомянутые, так и не отмеченные в статье, трансформации анализируемого сюжета (в советских фильмах «Дело было в Пенькове», «Весна на Заречной улице», «Большая перемена»), можно заключить, что процесс освоения текста-источника на русской почве был многоступенчатым и достаточно органичным.

Единство рецензируемому сборнику статей придает наличие сквозных мотивов. В ряду популярных и даже сенсационных в свое время литературных образов выделяется упоминаемый несколькими авторами Картуш. Ему посвящены и два специальных исследования. Статья Е. В. Акельева, основанная на ценных исторических документах, вносит уточнения в биографию легендарного французского вора, а сценические и кинематографические версии интерпретации этого образа в разных европейских странах на протяжении XVIII–XX вв. анализируются К. А. Чекаловым. Переключки между отдельными статьями на уровне упоминаний образов (помимо Картуша, назовем в качестве примера Ваньку Каина), произведений («Любовные похождения шевалье де Фобласа», «Ножка Фаншетты», «Разбойники»), имен (Поль де Кок, Белинский) придают сборнику цельность. В значительной степени она достигается за счет единства проблематики и предлагаемого авторами угла зрения на судьбы западноевропейской массовой литературы сквозь призму русской рецепции.

К сожалению, этого нельзя сказать о терминологическом и теоретическом аспектах издания, которое, на наш взгляд, отражает сильные и слабые стороны отечественной историко-литературной науки. Во вступительной статье к сборнику его составители М. Р. Ненарокова и К. А. Чекалов подчеркивают, что поставленные перед авторским коллективом задачи предполагали «анализ общих особенностей генезиса массового чтения», тогда как теоретические проблемы «не являлись <...>

приоритетными» (с. 5). Рецензируемый труд, действительно, охватывает многообразный и чрезвычайно интересный корпус произведений, который необходимо изучать и разрабатывать, и осуществленный авторами серьезный шаг в этом направлении имеет высокую научную значимость.

Думается, однако, что следующим этапом движения по заявленному пути должна стать теоретическая разработка соответствующей проблематики. В сборнике каждый автор справедливо выбирает наиболее адекватный его материалу язык описания (беллетристика, популярная литература, массовая, низовая, народная, развлекательная, формульная), но в совокупности отсутствие необходимого теоретического базиса приводит к терминологической несогласованности и размыванию границ описываемого феномена. Это осознается и самими авторами, что выражается в констатации факта отсутствия в российской науке достаточной меры рефлексии по этому вопросу (М. Р. Ненарокова, К. А. Чекалов), в отдельных попытках выхода в область теории (Г. Н. Ермоленко), а порой и в излишней модернизации (Т. Е. Автухович).

Общее представление о том, что такое «массовая литература» в терминологическом смысле, дает Н. Т. Пахсарьян, справедливо указывая, что ее формирование происходит после «восстания масс», на рубеже XIX–XX вв., и предполагает «демократизм культурного быта, вкуса <...> развитость рыночных отношений» (с. 265). Приведенная в статье мысль английского исследователя С. Ф. Норейко о том, что «массовый писатель все время пишет (переписывает), а массовый читатель все время читает (перечитывает) одну и ту же книгу» (с. 265), подводит к выводу о формульном характере массовой литературы, который после пионерских трудов Джона Кавелти² прекрасно исследован на Западе. Заимствование сюжетов, происходящее на этапе до возникновения массовой литературы, и формульность массовой литературы нам представляются качественно различными механизмами, свойственными разным этапам литературного развития. На традиционалистских этапах сюжетные схемы и отдельные образы заимствуются в процессе точечных литературных контактов и подвергаются органическому усвоению в литературе-реципиенте; в XX в. формульные жанры распространяются, по сравнению с прошлыми периодами, молниеносно, и их адаптация на новой почве, как правило, заключается в замене оригинального материала на материал принимающей культуры. Подчеркнем, что для возникновения массовой литературы главное – существование сложившегося литературного рынка, становление которого идет в разных культурах с разной скоростью. В рецензируемом сборнике большинство статей посвящено, строго говоря, «низовой» или «народной» литературе, и использованный в его названии термин «массовая» не вполне соответствует описываемому материалу.

Это замечание относится и к определению «зарубежная», которое представляется слишком широким, поскольку в поле зрения исследователей попадают только Франция, Италия и Германия. Авторы опираются, главным образом, на романскую традицию, за пределы которой выходит лишь статья Т. А. Зотовой о народной книге в драматургии Людвиг Тика. Но представить картину генезиса западноевропейской массовой литературы невозможно без обращения к английской традиции, поскольку формирование литературного рынка впервые происходит в Англии XVIII в. как стране с опережающими темпами развития капитализма. Что же касается рецепции творчества популярных английских прозаиков в России, то, по всей вероятности, у отечественного читателя не было возможности настоящего доступа к их произведениям в этот период. По свидетельству Ю. Д. Левина, «в царствование Екатерины II и Павла I, то есть в 1762–1801 годы, с французского языка были переведены 382 романа, с немецкого – 126, а с английского – всего лишь 8»³. В России английских авторов переводили с французского и немецкого, в этом смысле ситуация их рецепции схожа с адаптацией рассмотренных в сборнике итальянских рыцарских поэм. Важно также, что в случае с английскими романами речь шла не о беллетризации высокой литературы, а о переводах нарождающейся массовой, предварительный отбор которой совершался не в русской, а в других европейских культурах, выступавших в качестве посредников. Привлечение образов английской и других национальных литератур можно рассматривать в качестве перспективы дальнейших исследований.

В целом, рецензируемый сборник – это удачная и интересная попытка комплексного исследования формально-содержательных особенностей произведений Нового времени, способствовавших демократизации литературы и формированию моделей для массового производства литературной продукции как в Западной Европе, так и в России. Его материалы будут ценны и полезны для широкого круга отечественных гуманитариев.

Примечания

- ¹ Лотман Ю. Семиотика культуры // Лотман Ю. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 15.
- ² См.: Cawelti J. G. Adventure, mystery and romance : Formula stories as art and popular culture. Chicago, 1976 ; Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул // Нов. лит. обозрение. 1996. № 22. С. 33–64.
- ³ Левин Ю. Английская литература в России XVIII века. URL: <http://www.russianculture.ru/brit/histbr3.htm> (дата обращения: 05.05.2017). См. также: Алексеев М. Русско-английские литературные взаимосвязи (XVIII век – первая половина XIX века). М., 1982.

И. Ю. Иванюшина
И. В. Кабанова
С. Ю. Павлова